

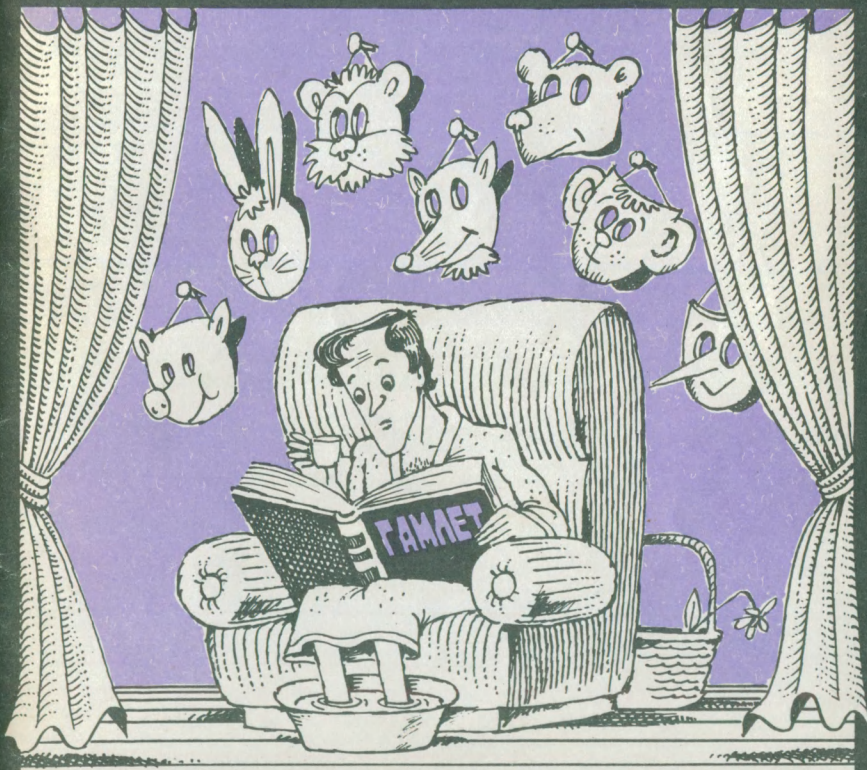

№ 23

ISSN 0132—2141

Владимир РЕЦЕПТЕР

МОНОЛОГ СТАРОГО АКТЕРА

Дружеский шарж В. МОЧАЛОВА.

Поэт, — он тосковал о сцене,
артист — о письменном столе;
и жизнь провел в кругу сомнений
о том и этом ремесле.
Был одинок среди собратий,
не знал, с какой шагнуть ноги...
Плодом сомнительных занятий,
читатель, не пренебреги.

Владимир Реценкер

**БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА**

№ 23
(1059)

Владимир РЕЦЕПТЕР

**МОНОЛОГ
СТАРОГО АКТЕРА**

Рисунки В. УБОРЕВИЧА-БОРОВСКОГО

**МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК КПСС
«ПРАВДА»
1988**

* * *

М. Розовскому

Мы, актеры, — что кони:
повезет — повезем!
А заменят в прогоне —
мы железку грызем.

Ждем забега, как манны,
и — покуда без дел —
наши взоры туманны,
словно жизни предел.

Что набитое брюхо,
раз недвижна земля?
Там и празднество духа,
где берут в шенкеля!

Пусть наездникам прибыль,
нам — цветочный венец!..
Застоявшимся — гибель.
Запаленным — конец.

Ваша правда, коллега,
мы живем в табуне.
Наша жизнь — для забега
при хлысте и ремне!

Мы, актеры, — что кони, —
грузовым не чета!..
Сахарок на ладони,
и аллюр три креста!..

* * *

— Ну что тебе сказать, мой юный друг...
Вообрази, что мы нашли удачу:
Ты принят, и прошел учебный круг,
и вышел к нашей братии в придачу...
Ты стал актером... Но...

Представим!.. Ты —
не гений... И не чудо красоты...
С высокими надеждами, а может,
и с молодой беременной женой...
А что?.. Любовь тебя не потревожит?..
Ну, хорошо. Допустим, мой родной...
Так вот... Ты принят в Захованский ТЮЗ
на сто рублей. На сто ролей звериных...
Грибных... И пионерских... Вот твой груз.
И так — всю жизнь на ножках журавлиных...
Осилишь?..
Ну, ступай.

* * *

...Театр — поле вечного сраженья,
где смерть — не остановка, не предел,
где неизбежно жертвоприношенье
и каждый отдал все, что он имел.

Здесь жизнь горька и безрассудна трата,
а цель и средства скачут в чехарду;
здесь каждый выход не сулит возврата,
и плата назначается в аду.

И даже те счастливы и кумиры,
которые сегодня правят бал,
надев свои тиары и порфиры,
не ведают, что подошел финал.

Но свято место не бывает пусто,
вновь игроки надеются на фарт,
у фонарей опять пестро и густо,
в другой игре горит другой азарт;

и мотыльки летят к актерской школе,
и вспыхивают угольки в золе.
Что эта жизнь? Короткие гастроли
на медленно кружащейся земле...

* * *

Один сказал:
«Мне жаль чтецов.
Их безупречных голосов... Да, жаль!
И юных, и матерых,
когда они слова жуют,
когда они стихи везут
в туман
на бархатных рессорах...»

Другой сказал:
«Не говори!
Они вскрывают изнутри
все волшебство стихотворенья...
И собирают полный зал,
чтобы поэт, как мир звучал,
и в этом их предназначенье».

Один сказал:
«А простота?
Ведь непонятно ни черта!..
Ты растолкуй мне стих,
сумей-ка!..
А он напыжится в зобу,
воркует мне через губу,
и хочется подать копейку!..»

Другой сказал:
«Кто ж виноват?
Поэты воют и гудят.
Чтецы им в чем-то подражают.
Когда бы обнажилась суть, —
не вымолвить, не продохнуть...
Ее мелодии скрывают».

А я не ввязывался в спор,
как будто это мне в укор
сомненье слушателя гложет...
Поэт напишет, чтец прочтет,
а друг услышит, жизнь зачтет,
как бог пошлет,
как век поможет...

* * *

Дед с отцовской стороны
был работником торговым,
век к ревизии готовым.
Сам отглаживал штаны;
чистил свой пиджак в полоску,
славно сшитый, но до лоску
тертый (не на рукавах:
нарукавники в портфеле
почему-то не старели);
галстук повышал в правах.
Жесткой щеточкой усы
над губой его торчали;
а карманные часы
громче башенных стучали...
Он приказчиком служил
до семнадцатого года.
Двух супружниц пережил,
но взяла свое природа —
вновь женился. С этих пор

приобрел он шаг степенный
 и расческой довоенной
 все охаживал пробор.
 Дед привычек не менял:
 летом нашивал кальсоны
 и машинкой сбереженной
 дома гильзы набивал,
 помещая в портсигар
 папиросы, экономя:
 нет, «Казбек» — семье в прогар...
 Что еще случалось в доме?..
 Вот. Примерно в месяц раз
 с вороватым видом *деда*
 уходил от всех от нас,
 от себя-товароведа
 в уголок двора, за стол
 и, расплывшись, как младенец,
 составлял из трех коленец
 милой флейты черный ствол.
 Как он веки прикрывал,
 изменяя вечным счетам!
 Чьи он тени вызывал
 и о чем мечтал по нотам?..

* * *

Поднимем занавес, пускай они войдут,
 пускай осмотрят закулисы;
 представят, может быть, как мы искали тут
 медвежье, волчье, птичье, лисье;

как человеческого на все хватало нам
 и возраст не имел значения;
 как режиссер в угоду временам
 менял свое благоволение.

Пускай надышатся тем, что пьянило нас,
 и вслушиваются в пыльный шорох.

Никто не станет им навязывать рассказ
о наших черных коридорах...

А мы под занавес уйдем в последний ряд
и там застрянем до финала.
Пусть наши зрители о нас поговорят,
как будто нас уже не стало...

СТАРЫЙ АКТЕР

Скребницей чистил он коня,
А сам ворчал, сердясь не в меру...
А. С. Пушкин. «Гусар»

Было чистое дело — актер:
«трагик», «фат», «инженю» и «субретка»...
Черт-те что накрутили с тех пор!
Гамлет — туп, что твоя табуретка!

Был «любовник», и дело с концом!..
Дельный — так со своим гардеробом...
Наш выходит с бездетным лицом,
Фердинанда играет холопом!..

«Резонеры» пошли нарасхват,
всех «героев» дают «резонерам».
«Неврастеники» — те норовят
поступить в кумовья к режиссерам.

Все — к трибунам! Всем — вынь да положи
современные, видишь ли, роли!..
Что ж ты, юноша пламенный, врешь?
Мало в детстве за враки пороли?

А который «властителем дум»
назначается в местной печати —
тать в ночи! Узколоб и угрюм!
Кто о чем — он всегда об оплате!..

И способные, право же, есть,
я заметил два-три бриллианта,
да у них щепетильность и честь,
а при этом не вытащишь фанта!..

Было чистое дело — актер,
было чистое дело по праву...
Черт-те что накрутили с тех пор!
Полюбуйтесь на эту ораву!..

* * *

Видишь, ряженный мишка в платочке,
заскучавший цыганский медведь,
вот он я на короткой цепочке,
где — вприсядку, а где — зареветь...

Эта ярмарка кажется бредом,
этот хохот пугает меня,
отчего ж я вожатому предан
на исходе работы и дня?..

Оттого ли, что угол укромен?
Оттого ли, что лес незнаком?
Оттого ль, что вожак вероломен
и на праздник одарит медком?..

* * *

Здравствуй, шустрила!.. Куда ты спешишь?
Чем же опять озабочен?
Бегаешь, рвешь... Только фи́га да шишь
густо растут у обочин.

Угомонись и не бойся себя,
что ты все ищешь да роешь?
Может быть, в праздные трубы трубя,
нужную дверь приоткроешь...

* * *

Красавец, попирая сцену,
так держится, что за версту
понятно всем, какую цену
назначил он за красоту.

* * *

Все гордость, фырканье, кривлянье,
как будто не отходит грим.
Не надоело козырянье
дешевым рангом приписным?

Мой бедный! Таинство натуры
поняв, времен не обвиню,
все эти позы и фигуры —
старинный комплекс «парвеню»...

* * *

Его количество
не прочит качества,
а сквозь «язычество»
маячит ячество.

* * *

Актер уходит из актеров,
из бедняков, из прожектеров,
благословляемый женой,
непостижимое затеяв,
из ерников, из лицедеев
уходит, будто из пивной.

Актер уходит из актеров
и думает: он — как Суворов,

еще опомнятся цари,
те, что его не оценили,
и призовут, он будет в силе,
тогда — иди, тогда — твори.

Актер уходит из актеров,
из дураков, из волонтеров,
благословляемый женой,
чужим занятием утешен,
печален и уравновешен,
актер уходит в мир иной.

Но где-то в глубине сознания
таятся смутные признания
и образуют злую связь, —
мол, потому он не был признан,
что к сцене богом не был призван
и просто жизнь не удалась.

* * *

Прекрасен мальчик, только что рожденный!
Как человек, ни в чем не убежденный,
светло и просто он глядит на мир;
поет себе, на счастье уповая,
а мир его — квартира типовая
да веток в небе штриховой пунктир.

Пусть эта точка зрения банальна,
но вот блаженство — плыть горизонтально!
Как виснут провода и фонари!
Как облаков меняется окраска!
И как шикарно катится коляска!
Роскошен выезд в свет, черт побери!..

Улыбка? Нет, ничуть не глуповата.
Он молодец, он смотрит непредвзято...
Тиранит вас?.. Ну, это вы — шутя...

Наморщился?.. Да ничего не значит!..
Ну что за чудо!.. Никогда не плачет?!
«Откуда ты, прекрасное дитя?..»

* * *

Александр Ивану

Ты заметил, как чайка сварлива,
как ворона картава и зла?
Как мотаются возле залива,
как холёные носят тела?

Как нахальны и как беспардонны!
Как уверены в праве на крик!
Ах, и ты потерпел от вороны?
К этой чайке и ты не привык?

Вон одна загорает у лодки,
а другая глядит в небеса...
Да, конечно, конечно, красоти!..
Голоса выдают, голоса...

* * *

Как постарели лошадь и овчарка!
Мы видим, как впервые за пять лет
конь падает, не от жары — не жарко,
а пес не может влезть на табурет.

Мы все жалеем их за скоротечность
их жизни, будто сами рождены
не стариться, а так, как есть, на вечность
за этою землей закреплены.

А нас жалеют лошадь и собака.
У них одна забота на двоих:
как эти люди проживут, однако,
еще так много лет, и все без них!

* * *

Крапивин строит дачу. Чертежи
составлены, как будто схемы боя.
Сперва участок занимают двое —
жена да он. Потом на рубежи
выходит внук. Сюда везут собаку.
Теперь на пни они ведут атаку,
соорудив временку, как блиндаж.
А там и дочка с мужем входят в раж.

Крапивин строит дачу. Комары
штурмуют весь состав без перерыва.
Но есть у них пример и перспектива,
и все живут в предчувствии поры,
когда они отпразднуют победу,
и на веранде подадут к обеду
грибы в сметане, и врагам на страх
придет пора качаться в гамаках.

Крапивин строит дачу. Левачок
подвозит, как снаряды, лес и гвозди,
и всех бодрит лесной осенний воздух,
и стук, и эха легкого звучок...
И внук опять пускается в проказы,
опять Крапивин отдает приказы,
и дождь идет, внезапный дождь идет
на рубежах Синявинских болот...

ОРКЕСТР

Составлен круг из крепких стульев
не просто так, не вразной,
сидят достойно, не сутуло, —
оркестр играет духовой.

Малы и трубы, и валторны,
и оркестранты все подряд.
А клуб от них уже в восторге,
все хвалят и благодарят.

Ах, как удачно подыскали
репертуар богатый свой:
мазурки, марши, пад'эспани
оркестр играет духовой!

Под ноль острижены затылки,
но пусть известно станет вам —
играет он не роль затычки,
а роль гвоздя любых программ.

У них такой руководитель,
такой... ну просто мировой!..
Пустой рукав... Военный китель...
Оркестр играет духовой...

Его не звали, не просили,
он не за деньги, а «за так»...
Он туфлей белой парусины
чеканно отбивает такт.

И двадцать правых ног ребячьих
сверяют такт за туфлей той...
Никто любви своей не прячет.
Оркестр играет духовой.

* * *

Есть магия имени — МХАТ,
хоть круто меняется штат,
хотя переезды, ремонты
и ругань его не щадят.

Есть магия времени — МХАТ,
сад рубят, и щепки летят;
«духи из Парижа» — легенда,
но стоек ее аромат.

Есть магия племени — МХАТ,
портреты покойников — в ряд,
но каждую ночь в Камергерском
их трости победно стучат...

* * *

Словно хитрый такой аппаратик
показал мне японский фирмач:
я дышу, как спасенный астматик,
слышу все и по-новому зряч;

сквозь реальность другую реальность
наблюдаю при помощи сна,
навожу окуляры на дальность
и мираж поднимаю со дна...

Исчезают былые запреты.
Разрешается то, что нельзя.
В обе стороны лета и Леты
я как будто скольжу, не скользя.

Но двойник моего зазеркалья
так насмешлив, печален и смел...
Кто он — праведник или каналья,—
я опять разгадать не сумел.

Пограничность его положенья
объяснима при помощи сна.
Продолженья ищу, продолженья
в эти двойственные времена...

ПРИВЕТ ЗНАКОМОМУ ЧИНОВНИКУ

Привет тебе, торжественный чиновник,
умеющий не торопить слова!
Ты ничему на свете не виновник,
тебе приказы слаще, чем права.

Ты долго жил и так натерся мылом,
что в руки не даешься никому.
Привет тебе в радении унылом,
привет тебе и креслу твоему!

В твоём прелюбодействе с этим креслом
пассивная тебе досталась роль,
прости меня в намеке неуместном,
прими привет и продолжать изволь.

Ты сладко ел и сладко пил задаром,
а мы тебя кормили много лет,
и потому не попрекаю старым,
а лишь передаю тебе привет.

И если дома, в дармовых палатах,
которые ты отнял у трудяг,
ты от вопросов спрятался проклятых,—
не стану вешать на тебя собак.

Привет тебе. Будь трезв и осторожен.
Без дела к зеркалам не подходи.
Ведь если ты поймешь, как ты ничтожен,
то сам еще повесишься, поди!

РЕПЕТИРУЯ ГОГОЛЯ БАШМАЧКИН

Друг Башмачкин, как тебе помочь?
Чувствую вину перед тобою...
Проклинаю призрачную ночь,
ставшую потворщицей разбою!..

Как тебя избавить от невзгод,
если я еще по средней школе
знаю, помню роковой исход?..
Сердце разрывается от боли!..

Я тебе последнее отдам,
всей своей души не пожалею,
в роль войду, и вот играю сам
в нищенскую эту лотерею.

К пьяному портняжке захожу,
отвечать не смею на обиду,
в подлом департаменте служу,
ревностно служу, а не для виду!..

Что я вижу в будущем, дурак?
И себе какие ставлю цели?..
На моем челе постыдный знак
жизнью добываемой шинели...

РЕПЕТИРУЯ ОСТРОВСКОГО

ВСТРЕЧА

Несчастливцев. Куда и откуда?
Счастливцев. Из Вологды в
Керчь-с, Геннадий Демьянович. А вы-с?
Несчастливцев. Из Керчи в Во-
логду...

А. Н. Островский. «Лес»

Ах, встреча утром ранним
на солнце и ветру
собрата по скитаньям
с собратом по добру!

Из Вологды Аркадий,
Геннадий из Керчи.
— Постой, брат, бога ради!
— Я рад, но не кричи.

И вот, привал устроив,
показывать готов
один своих героев,
другой — своих шутов...

— А хорошо бы выпить
И, кстати, закусить!
— А хорошо бы выжить —
пощады не просить...

Без денег, без припасов,
без женщин, без оков...
Ах, жизнь без выкрутасов,
игра без дураков!..

И я бы с вами, с вами
в жару или в пургу
с котомкой за плечами, —
да выбрать не могу

меж Вологдой и Керчью,
рапирой и щитом,
котомкою и печью,
героем и шутом...

РЕПЕТИРУЯ ЧЕХОВА

УЧИТЕЛЬ КУЛЫГИН

Я так доволен тем, что существо
взаимоотношений наших скрыто,
и — убежден! — любое статус-кво
куда как лучше перемены быта.

Вчера — потеха! — встретил двух девиц,
подавших недвусмысленные знаки...
Но, согласишься, так много третьих лиц
участье принимают в нашем браке!

«Дум спиро сперо» — (множество невежд,
никто теперь не хочет знать латыни!) —
«пока живу — надеюсь»; без надежд
не перейдешь ни поля, ни пустыни.

Банально? Жизнь банальна. И нулю
равна возможность нового. Я волен
терпеть. К тому же я тебя люблю
и — эрго! — я доволен, я доволен...

СУФЛЕР

Суфлер, неусыпная стража,
седая как лунь голова,
он выручит, вспомнит, подскажет
забытые мною слова.

Ведь им принималась присяга
беречь необкраденной речь,
Какая слепая отвага —
полжизни на будку обречь!

Какая негордая участь —
быть нужным
и быть не в чести,
полжизни под сценой промучась,
ни разу по ней не пройти!..

И все-таки, проще простого,
мне свято его ремесло:
шептать бескорыстное слово,
бесславыю и славе назло!..

* * *

Карусель, крути шарманку!
Карусельщик, заводи!
Ветер, платье наизнанку
заворачивай, не жди!

И вздымаются копыта,
и в глаза летит труха,
и фокстротом «Рио-Рита»
завертело петуха

на макушке карусельной,
над разлукой и судьбой!..
На игрушке бесседельной
в путь пускаемся бесцельный
против стрелки часовой!..

* * *

Тарелка — вдрызг!.. И валерьянка
из пузырька в стакан с водой...
И женщина, как иностранка,
на диком языке с тобой.

И хохоток звучит жестоко
и птицей мечется меж стен...
Трагическая подоплека
в комедии домашних сцен.

* * *

Вы чувствовали этот буйный пир
в крови, когда, один среди красавиц,
вы местный лев, сиятельный лукавец,
и выборщик, и гений, и кумир?..

Припомните!.. Ну, право, все равно,
где вас нашло приятное событие:
в квартире типовой иль в общежитье
студенческом, недавно иль давно...

Вот там-то и светила вам судьба...
Вот там-то вы ошиблись невозвратно,
вот там-то все вы поняли превратно,
и дело ваше с этих пор труба!..

Там лишь одна не принимала вас,
того не демонстрируя нимало,
но именно она вас понимала,
ваш мнимый тон, неточный ваш рассказ.

А та, что всех тщеславней и наглей,
победно увела вас на аркане,
и вы ушли. И жили как в тумане,
как честный человек, женясь на ней...

Мой неумелый бедный дон-жуан,
несчастный муж, рогатый подбашмачник,
о, как вы ошибались, неудачник,
при выборе!.. Не вышел ваш роман.

И сколько раз вы проклинали мир,
ложась в постель унылую в пижаме!..
И тень судьбы витала перед вами...
Вы чувствовали этот буйный пир?..

* * *

Взлети на мост Литейный
на сотом скоростном,—
беспечный, несемейный,
забывший о былом;

полно пустых скамеек;
теперь, без толкотни,
всего за пять копеек
окрестность огляни...

Когда маячит крепость
над невскою водой,
любая роль — нелепость
пред собственной судьбой...

Но, выходя на сцену
и о себе забыв,
пропой за ту же цену
совсем другой мотив...

ПОИЩЕМ ЖЕНЩИНУ...

Поищем женщину, царицу наших грез!
И я мечтал о ней, и ты на этом рос.
Вся жизнь на поиски!.. Две жизни — за мечту!..
Мы верим в истину! Мы верим в красоту!..

Поищем женщину!.. Годок или другой
поищем спутницу, товарищ дорогой!..
Пора, не правда ли, нам заводить свою
не идеальную, но все-таки семью...

Поищем женщину!.. Вечернею порой
побродим городом часок или второй.
Авось и встретится царица наших грез
и нам о времени ответит на вопрос...

Поищем женщину... А вдруг на этот раз
ее с подругою всевышний нам припас!..
Они с подругою о нас заводят речь
и ищут нас с тобой, других не ищут встреч...

Поищем женщину. Поищем верный тон.
Тут дело тонкое, закон для всех времен.
Кто жаждет нежности? В нас нежность — через край!..
Ты — с той, я — с этою... А впрочем, выбирай!..

* * *

Л. Е.

Что за любовь по телефону?
Дрожать, прислушиваться к тону
и отирать холодный пот,
поняв как раз наоборот?

К чему свидания в эфире,
как будто на чужой квартире
в жару, всего на пять минут:
стучат, врываются, клянут...

Мой бедный друг!.. Сквозь эти стекла
я вижу, как рубаша взмокла
от нежной жажды и стыда.
Попразднуй жизнь на две копейки!
Пусть струятся эти змейки
от глаз неведомо куда!..

* * *

Веселым дьяволом вломиться в гости к вам,
веселым дьяволом, совсем не по делам,
смешить до хохота веселой чепухой...
Как жалко все-таки, что я шутник плохой...

Затеять с вами суету вокруг стола:
тарелки, рюмочки — прекрасные дела!
Стать щедрым, вежливым, изящным тамадой!..
Как жалко, господи,— уже немолодой!..

Веселым дьяволом с гитарой под рукой
смутить ваш призрачный наигранный покой.
Прощаться за полночь в прихожей пять минут,
пускай вас в комнате другие гости ждут...

Веселым дьяволом похитить вас у всех,
чтоб ваш таинственный лишь мне достался смех!..
И по окраине бродяжить до утра,
скрывая разницу — где правда, где игра!..

* * *

Как въехали, так дверь не запирали.
Свет в коридоре целый день не гас.
И приходили те, кого не звали,
а тех, что ждали, не было как раз.

От оголенных лампочек и голых
стен и незавешенных окон,
от голосов, наигранно веселых,
хозяевам хотелось выйти вон

и все вернуть по-старому. Но деться
теперь им было некуда: вот тут
им приходилось жаться и вертеться
и приниматься за домашний труд.

Лифт не работал. Ящики с вещами
и книгами стояли на полу.
И все, кто их сегодня навещали,
накапливались всяк в своем углу.

Никто не думал уходить. Соседи
заглядывали, чтоб застрять на день.
О переезде, словно о победе,
высказывались все кому не лень.

И находились рюмки и стаканы:
и ждали, что дадут «на посошок»;
а бородач, пиита домотканый,
мешал с одесским петербургский слог.

На этом беззастенчивом примере
хозяин понял, что приговорен
к открытой жизни и к открытой двери
от новоселья до конца вре́мен...

* * *

Наш дом когда-то стал
жемчужиной модерна.
Невиданный портал
был соткан беспримерно.
Эркеры и щитки,
нарядные пластроны,
лепные козырьки,
окружные балконы...

Казалось, это — блеф:
такой камин в подъезде;
и лифт, и барельеф,
казалось, не на месте;
и кто вам передаст
казавшуюся блажью,
немыслимую, — Бакст! —
мозаику лебязью!

В рисунках допустив
два-три неясных знака,
господствовал мотив
раскрывшегося мака.
И увенчал весь дом, —
вот выдумал художник! —
воздетый над углом
торжественный кокошник...

Эклектика тогда,
как новость, прорывалась.
Искусство без стыда
с роскошеством встречалось.
Дом вглядывался вдаль,
прекрасный и бесстыжий,
и получил медаль
на выставке в Париже.

Литые ворота,
Швейцары налитые.
Ажурная мечта
о будущем России.
Селилось торжество
под ангелом парящим,
не зная ничего
о веке предстоящем...

...Ни ангел над углом,
ни всадник, ни наяда
не защитили дом
от смертного заряда,
от тифа и мышей,
от голода и пала,
от мелких алкашей
с Московского вокзала.

Отведал домик наш
и рваных труб, и фронта,
и треста «Лифтмонтаж»,
и черта, и ремонта.

В подъезде нет огня,
и в темноте знакомо
проходят сквозь меня
судьба и облик дома...

АКТЕРСКАЯ БИРЖА

(Отрывок)

...Узлов кружил по городам России,
свою судьбу испытывать готов,
а я его дороги холостые
по карте метил с помощью флажков.

Он и меня сбивал на переходы,
но у меня — семья, отцовский дом.
И как актеру требовать свободы?
Наш выбор — между нею и трудом...

Но всякий раз при новом переезде
и перед тем, как посетить Москву
(то место, где велись торги о месте,
я по старинке биржей назову,
здесь, на московской бирже, люди сцены
прохаживались с видом гордецов,
надеясь на крутые перемены
в судьбе от перемены городов;

здесь административная прослойка
и режиссура находила тех,
кто мог репертуаром хвастать бойко
и был смазлив и обещал успех;

кто мог предстать любовником и фатом,
субреткой, героиней, инженерю...
Конечно, труппу составляет фатум,
но я умельцам долю сохраню...

Здесь, тонким гримом освежив мордашку,
могла актриса форму показать;
здесь подбирали падшего «Аркашку»,
мечтающего прочно «завязать»;

здесь составляли новые сезоны,
столичной сцене нанеся визит,
и поцелуи, вытеснив поклоны,
звучали вслух и ставились на вид;

здесь, чувствуя себя как на Голгофе,
Узлов случался в шляпе набекрень,
чтоб, рюмку коньяка да чашку кофе
заказывая впрок на целый день,

вновь о таганской толковать работе
пред тем, как унести в другую даль...
Теперь в Москве вы биржи не найдете.
Всё — письма, бюрократия... А жаль...)

Так вот, пред тем, как залететь в столицу,
он заезжал на родину и здесь
к нам за кулисы шел определиться:
не захотят или почтут за честь?..

* * *

Актерское наследство:
сто карточек в ролях;
дневник — и самоедство,
и похвальба, и страх;

сто вырезок газетных
да именной брегет.
Вот только прав наследных
ни у кого и нет...

* * *

Лицедейское призвание,
не сжимай меня в горсти,
отпусти на покаянье,
хоть до смерти отпусти!

Кем-то стать, дразнить кого-то,
наводить другую бровь,
гонит рабская забота
или крепостная кровь.

Что за бабье вожделенье —
вновь под нищенский залог
лезть в чужое облачение
да кусать чужой кусок?

Сколько ж мучиться до рвоты,
разрываться пополам,
если я не взят в работы,
не пришелся к кандалам?

Лицедейское призвание,
вечной каторги печать,
что ты — божье наказание
или божья благодать?..

* * *

Когда играешь короля,
и за тобой — твоя земля,
и ты един в трех лицах, —
подумай о границах...

Когда играешь короля,
а вражья конница, пыля,
смела твои границы, —
подумай о столице...

Когда играешь короля,
а все надежды у нуля,
и вокруг тебя измена,
то смерть главное плена...

Когда играешь короля,
а над тобой висит петля,
и рядом кат угрюмый, —
о будущем подумай.

Теперь ты больше не король,
теперь позволь себе, позволь
тонуть в слезах незримых
о близких и любимых!..

Из цикла «ТЕАТР «ГЛОБУС»

(Предположения о Шекспире)

БЛАГОДАРНОСТЬ ЛОРДУ СОУТТЕМПТОНУ

*Лорду Соуттемingtonу почтительно
посвящены изданные Шекспиром при
жизни книги.*

Высокий покровитель мой, я — Ваш...
Вы мне дарите отблеск Вашей славы,
защиту от ножа в наш век кровавый,
открыт мне кошелек Ваш и ягдташ.

Высокий покровитель мой, к кому ж,
когда не к Вам, в отчаянье и страхе
я рвался из смирительной рубахи
безвестности, и голода, и стуж?

Высокий покровитель мой, ну где ж,
как не у Вас под левою рукою,
могу побаловаться я строкою
и от невежд спастись и от невеж?

Высокий покровитель мой, ну что ж,
я, право, благодарен этой доле,
сама судьба распределяла роли:
мне — средь актеров, Вам — среди вельмож.

Высокий покровитель мой, Вы — мой,
я отплачу Вам, облегчу Вам бремя,
я подарю Вам счастье жить во время
мое и скрыться за моей спиной.

ДЖИГА С ВИЛЬЯМОМ КЕМПОМ

*Вильям Кемп — прославленный клоун труппы
«Глобуса», исполнитель джиги, автор небольшой
книги о его девятидневном рекордном танце от
Лондона до Норвича.*

Здорово, комик Вильям Кемп,
оставь в покое книгу,
давай-ка джигу, слышишь, темп,
давай-ка джигу, джигу!

Коленку вверх, в ладони хлоп,
острее, с поворотом,
шажок — присест, шажок — притоп,
легко, легко, да что там!

Пуškai глазее весь кабак,
пуškai никто не знает,
что дело, кажется, табак
и «Глобус» прозябает.

Присядем, комик Вильям Кемп,
за столик, насосемся!
За королеву, слышишь, темп!
Лишь этим и спасемся.

Мы ни за этих, ни за тех,
оставьте нас в покое!
За твой успех, за мой успех,
за королеву — стоя!

Пускай глазеет весь кабак,
никто не угадает,
что кошелек — и так и сян,
а вот словарь нищает.

Спасибо, комик Вильям Кемп,
жизнь понеслась как птица!
Такой у жизни, слышишь, темп,
лишь поспевай напиться!

Народ на нас толпой валит,
и с Лондоном мы квиты,
но нас погубит сытый вид,
мы безнадежно сыты.

Пускай танцует весь кабак,
и пусть никто не знает,
что дело все-таки табак
и «Глобус» погибает.

ДИАЛОГ С РИЧАРДОМ БЕРБЕДЖЕМ ОБ ИДЕАЛЬНОЙ ГЕРОИНЕ

— Придай Корделии тепла,
а гордость укроти.
— Тогда трагедия могла
и не произойти.

— Прибавь Офелии ума
и стойкости придай!
— Чтоб принца на себе сама
женила невзначай?

- Хоть Дездемоне наперед
дай хитрости чуть-чуть!..
— Она за мавра не пойдет,
ну нет, не обессудь!..

— Джульетта слишком молода!
Нам нужен идеал,
а ты не дал себе труда...
— Как мог, так написал...

— Двух слов нельзя тебе сказать,
ты слышишь только лести!..
— Не надо женщин улучшать,
люби таких, как есть.

БРЕЙГЕЛЬ. «ДЕТСКИЕ ЗАБАВЫ»

Брейгель. «Детские забавы».
Бой. Ходули. Чехарда.
Как здорова, как лукава
эта детская орда!

Эти сценки и сюжеты
так знакомы и остры,
будто зовы и приветы
нашей памятной игры.

Но в одном лице — коварство,
злоба — в личике другом.
Мальчик зарится на царство
в государстве дворовом.

Здесь победы и расправы,
ликованье и беда...
Брейгель. «Детские забавы».
Бой. Ходули. Чехарда.

* * *

Ты вечернее платье наденешь,
а на платье старинную брошь,
и привычную жизнь переменишь,
и вчерашнюю боль зачеркнешь.

Что за чудо!.. В любимом наряде
ты спешишь и взлетаешь легко...
То ли в облаке, то ли во взгляде,
то ли около, то ль высоко...

То ли сумочка выбрана точно,
то ли верно отмерен каблук,
но — божественна и беспорочна —
ты как будто отбилась от рук.

И глядишь победительным взором,
как судьба приближаясь ко мне
в этом платье своем краснопером,
ноги длинные скрывшем в огне...

ПЕТР И ЖЕНЩИНА

Драматическая сцена

ПЕТР

Иди, иди!.. Поди сюда!.. Взойди!..
Вот он, платок!.. Попробуй-ка, накройся!..
А этот скинь... Отдай сюда!.. Не бойся!..
Вот это да!.. Откуда ж столь груди!?
Ну, мать моя, в кунсткамеру!.. Храни!..
Такое чудо не выходит дважды!..
Накрой скорей! А то сгорю от жажды.
Дай поцелую, чудушко!..

ЖЕНЩИНА

Не мни!..

ПЕТР

Да!.. Славно!.. Что, видала «Старый дуб»?
Какое судно государь построил!..
О девяносто пушках!.. Крови стоил!..
Да подойди поближе! Ай не люб?
Сладка отравы?.. И, видать, смела...
Все знаешь?.. Али только любопытна?..
Молчи себе!.. Скрывайся!.. Дело скрытно,
а тело откровенно... Ну, дела...
Запрем-ка эту дверцу на засов!
Нет, стой!.. Пожди!.. Счас разгоню всю свору
и ворочусь... Не смейся!.. В эту пору
мужик, когда один, на все готов!..

ЖЕНЩИНА

Ну да, один...

ПЕТР

Один!

ЖЕНЩИНА

Чай, ты женат...

ПЕТР

Женат, да одинок, а это хуже,
чем если одинок...

ЖЕНЩИНА

А я — при муже...

ПЕТР

Вот оно что... А кто твой муж?

ЖЕНЩИНА

Игнат!..

ПЕТР

А как сюда попала?

ЖЕНЩИНА

Не скажу...

ПЕТР

А муж-то где?

ЖЕНЩИНА

Напился и — под лавку!..

ПЕТР

Вот, черт возьми!.. Да отстегни булавку!..
Ну!..

ЖЕНЩИНА

Сам привел!.. Царя, мол, покажу!..

ПЕТР

И показал?

ЖЕНЩИНА

Да нет... Привел — сиди,
гляди, мол, угадай теперь, который..

ПЕТР

Ну, угадала?

ЖЕНЩИНА

Где уж!.. Тут уборы
один другого лучше...

ПЕТР

Так гляди!

ЖЕНЩИНА

На что глядеть?

ПЕТР

Вестимо, на царя.

ЖЕНЩИНА

А где же он?..

ПЕТР
Да вот, перед тобою!..

ЖЕНЩИНА
Да полно врать!

ПЕТР
Ну вот те крест!..

ЖЕНЩИНА
С такою
противной рожей — царь?! Не верю!

ПЕТР
Зря...

ЖЕНЩИНА
Какой ты царь?.. Кобель ты!.. Пустобрех!..
Куда тебе , ред моим Игнатом!..
Ну, вон пошел!..

ПЕТР
Вот вышел виноватым!..

ЖЕНЩИНА
А ну, пусти!..

ПЕТР
Ну, бог не поберег!..
Ты что, сбесилась, дура?..

ЖЕНЩИНА
Ах ты дрянь!..
Ишь, лапает!.. Туда же!.. Разбежался!..
Возьми платок!.. На кой он ляд мне сдался?!
Кобель паршивый!.. Не ходи!.. Отстань!..

ПЕТР
Ну вот, отпраздновал!.. Ну вот тебе и пир!..
Ай, государь!.. Не уломал и бабы!..

Сиди теперь один на целый мир!..
Да, духом мы сильны, да телом слабы!..
Что делать-то?.. Еще зазвать кого?..
Аль завернуть к таким, что без отказа?..
«Кобель паршивый!..» Ты смотри, зараза!..
Да, видно, крепко любит своего...

ПЕТР И МЕНШИКОВ

МЕНШИКОВ

Звал, государь?.. Я весь перед тобой!..

ПЕТР

Не ври, не весь. Какими новостями
порадуешь?

МЕНШИКОВ

Есть новость под рукой!..

ПЕТР

А если есть, не прячь за рукавами.

МЕНШИКОВ

С прибытием!..

ПЕТР

Много ль брал за рукава?..

МЕНШИКОВ

Клянусь тебе, мин херц...

ПЕТР

Молчи, собака,
вор, сволочь!.. Канцелярия права,
давно пора прислушаться!..

МЕНШИКОВ

Однако!..

ПЕТР

Я как тебе велел каналы рыть?

МЕНШИКОВ

Каналы?.. На Васильевском?

ПЕТР

Так точно.

МЕНШИКОВ

Уж побывал!.. Ну, царь!.. Вот это прыть!..

ПЕТР

Все порчено!.. Все узко!.. Все непрочное!..
Недоброе полсотни тыщ рекрут!
Из них за взятки спрятано немало!..

МЕНШИКОВ

Сбавь, государь!..

ПЕТР

Не сбавлю!..

МЕНШИКОВ

Больно круто!..

Цифирь по всей Руси, а мне попало!..

ПЕТР

А двадцать тыщ в бегах!..

МЕНШИКОВ

Господь с тобой!

ПЕТР

А ты, собака, деньги переводишь
в Лондонский банк!..

МЕНШИКОВ

Навет!.. Навет!.. Разбой!..

ПЕТР

Заслуги помню, но по краю ходишь.

МЕНШИКОВ

Стой, Алексеич!.. Что тебе не врут!..
Коль ты с цифирью, я к тебе обратно:
шесть с половиной сотен тысяч пуд
есть чугуна — сочти-ка!.. Неохватно!
Пудов до тыщи меди в энтот год
наплавили, чай, спорилась работа!..
Большая стройка — и большой отход...
А все на пользу армии и флота,
все русские заводы, все старанья
князь Меншикова...

ПЕТР

Ты смотри, подлец!

Остановил-таки! Откуда знания
вперед меня?

МЕНШИКОВ

Проведал, мой отец!..

Кто доносил-то?.. Впрочем, есть кому!..
Растут вокруг царя, как шампиньёны.

ПЕТР

Нет, князь! Поди пошарь в своем дому!

МЕНШИКОВ

Тьфу, господи прости! Кругом шпиёны!..
Ну ладно, разберемся...

ПЕТР

Разберись.

МЕНШИКОВ

Хотел тебе сказать... Под Фридрихсгале...
Застрелен Карл Двенадцатый.

ПЕТР

Окстись!..

МЕНШИКОВ

Так, истинно...

ПЕТР

Не ждал...

МЕНШИКОВ

И все не ждали...

ПЕТР

Простил, простил, я все ему простил!
Прости, господь!.. Без муки?..

МЕНШИКОВ

В одночасье...

Споткнулся будто и упал без сил.

ПЕТР

Вот, умер враг, а пусто, как в несчастье.
Нет ни врага, ни друга...

МЕНШИКОВ

Государь!..

ПЕТР

Молчи, не рассуждай, оставь в покое!

МЕНШИКОВ

Пойдем ко мне!.. Пойдем!.. Пойдем, как встарь!..
Пойдем, завьемся!..

ПЕТР

Это что ж такое?..

Что это за создание — человек?..
И где погибель стережет монарха?..
Ах, век короток!.. Ах, короток век!..
Где истина? У князя, у монаха?
Постой, ему ведь было...

МЕНШИКОВ

Тридцать семь.

ПЕТР

На приступе?..

МЕНШИКОВ

Нет, говорят, в траншее —
картечина...

ПЕТР

Ведь молодой совсем!..
А впрочем, может, молодым лучшее...

МЕНШИКОВ

Петр Алексеич!.. Душу не томи!..
Уйдем на волю от тоски и сплеток!

ПЕТР

Прошу, прошу — да будьте вы людьми!..
Короток век, короток век, короток!..

СОДЕРЖАНИЕ

Мы, актеры, — что кони...	2
Ну что тебе сказать, мой юный друг...	3
...Театр — поле вечного сраженья...	3
Один сказал...	4
Дед с отцовской стороны...	5
Поднимем занавес, пускай они войдут...	6
Старый актер	7
Видишь, ряженный мишка в платочке...	9
Здравствуй, шустрила!.. Куда ты спешишь?	9
Красавец, попирая сцену...	10
Все гордость, фыркание, кривлянье...	10
Его количество не прочит качества...	10
Актер уходит из актеров...	10
Прекрасен мальчик, только что рожденный!	11
Ты заметил, как чайка сварлива...	12
Как постарели лошадь и овчарка!..	12
Крапивин строит дачу. Чертежи...	13
Оркестр	14
Есть магия имени — МХАТ...	15
Словно хитрый такой аппаратик...	15
Привет знакомому чиновнику	16
Репетируя Гоголя	17
Репетируя Островского	18
Репетируя Чехова	19
Суфлер	19
Карусель, крути шарманку!..	20
Тарелка — вдрызг!.. И валерьянка...	21
Вы чувствовали этот буйный пир...	21
Взлети на мост Литейный...	23
Поищем женщину...	23
Что за любовь по телефону?..	24

Веселым дьяволом вломиться в гости к вам	25
Как въехали, так дверь не запирали...	25
Наш дом когда-то стал...	26
Актерская биржа	28
Актерское наследство...	30
Лицейское призвание...	31
Когда играешь короля...	31
Из цикла «Театр «Глобус»	32
Брейгель. «Детские забавы»	36
Ты вечернее платье наденешь...	37
Петр и женщина	37
Петр и Меншиков	42

Владимир Эмануилович РЕЦЕПТЕР

МОНОЛОГ СТАРОГО АКТЕРА

Редактор А. С. Пьянов

Техн. редактор Л. И. Курлыкова

Сдано в набор 10.08.88. Подписано к печати 10.10.88. А 11798.
 Формат 70 × 108^{1/2}. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 2,07.
 Усл. кр.-отт. 2,45. Тираж 75000 Заказ № 2936. Цена 25 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
 имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда» Москва,
 А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Оказалось, что моя биография до сих пор обнаруживает готовность к довольно неожиданным виткам. Наверное, это связано с актерской потребностью после драмы или трагедии сыграть вдруг что-нибудь комедийное. Недаром, навсегда отравленный в молодости ролью Гамлета, я мечтаю теперь о роли Фальстафа и всю жизнь стараюсь набрать для нее соответствующую форму и вес. Впрочем, и сам принц датский демонстрирует способность к острой словесной эскападе, пародии или горькому юмору. Так вот, если все это принять во внимание и попутно согласиться с тем, что и сам юмор часто обнаруживает весьма различные свойства и оттенки, то мое сближение с «Крокодилом» окажется не столь уж парадоксальным. А если все равно окажется, тогда мы имеем дело именно с парадоксом, в качестве которого эта книжница предъясняет достаточные основания занять свое скромное двадцать третье место в его «Библиотечке».

Остальные мотивы, как-то: довоенное рождение в «Одессе-маме»; бурная молодость, проведенная в «Ташкенте — городе хлебном», и тихое жительство в красивом областном центре, о котором говорят «Питер — бока повытер», — являются, конечно, побочными. Если же читателю захочется, па-че чаяния, продолжить знакомство с автором, он имеет возможность заглянуть в книги «Актерский цех», «Опять пришла пора», «Вид с моста», «Представление», «Открытая дверь», «Возвращение», «Письма от Гамлета».

Цена 25 коп.

Индекс 72996

